

ЛИДЕЛИУМ

— КРОВЬ ДЕСЯТИ —

18+

Рия Райд

Young Adult. Все звезды в нас самих.
Романтическая фантастика от Рии Райд

Рия Райд

Лиделиум. Кровь Десяти

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Райд Р.

Лиделиум. Кровь Десяти / Р. Райд — «Эксмо», 2026 — (Young Adult. Все звезды в нас самих. Романтическая фантастика от Рии Райд)

ISBN 978-5-04-247088-2

ДОЛГОЖДАННАЯ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ТЕТРАЛОГИИ «ЛИДЕЛИУМ» ОТ РИИ РАЙД! НАСТОЯЩАЯ «ИГРА ПРЕСТОЛОВ» В КОСМОСЕ! Судьба редко бывает к нам благосклонна, но наша сила в том, что мы никогда на нее и не полагаемся. Галактический Конгресс разрушен. Теперь, когда Лиделиум разделен на два противоборствующих лагеря, а тайная организация «Новый свет» наступает, старым врагам приходится объединиться. Пытаясь спасти свою семью, Корнелия Нозерфилд вынуждена заключить с Питером Адлербегом невыгодную сделку. Она получает таинственные письма, пророчащие беды и катастрофы, которые сбываются с поразительной точностью, и правильно расшифровать их — единственный шанс выиграть время, которого почти не осталось. Правда у того, кто шлет их, — на все уже давно свои планы. Декорации аристократии далекого космоса, политические интриги, не уступающие «Игре престолов», горячая любовь, предназначение и борьба за власть. Шикарный слог автора, яркие персонажи, безупречное художественное оформление никого не оставят равнодушным. Для фанатов «Звездных войн», «Дюны», «Игры престолов». Читайте в серии: «Лиделиум. Наследие Десяти», «Лиделиум. Пламя Десяти». "Эта часть пробирает до мурашек. Больше тайн, которые открывают глаза на страшную правду, больше страсти, в которой гаснет здравый смысл. Здесь нет места милосердию, а выбор героев заставляет задержать дыхание. Что они отдадут за победу в этой войне: сердце, душу или жизнь?" - Софа, ssoulinlines. "Как же я обожаю мир Лиделиума! Никогда не предугадаешь, что ждет на следующей странице. Продолжение сносит крышу, заставляя бежать мурашки по коже, а финал... финал безжалостно разбивает сердце, хотя кажется, ничего не предвещало беды. Каждый раз даю себе слово не привязываться к героям, ведь никому

нельзя доверять, но они чертовски хороши, устоять невозможно!" - Полина Резникова, your_dream_in_books. Обложка от известного молодежного художника RubyDi

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-247088-2

© Райд Р., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Плейлист	7
Пролог	8
Часть первая	16
Глава 1. Союзники	16
Глава 2. Все что угодно?	24
Глава 3. Мисс Данри	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

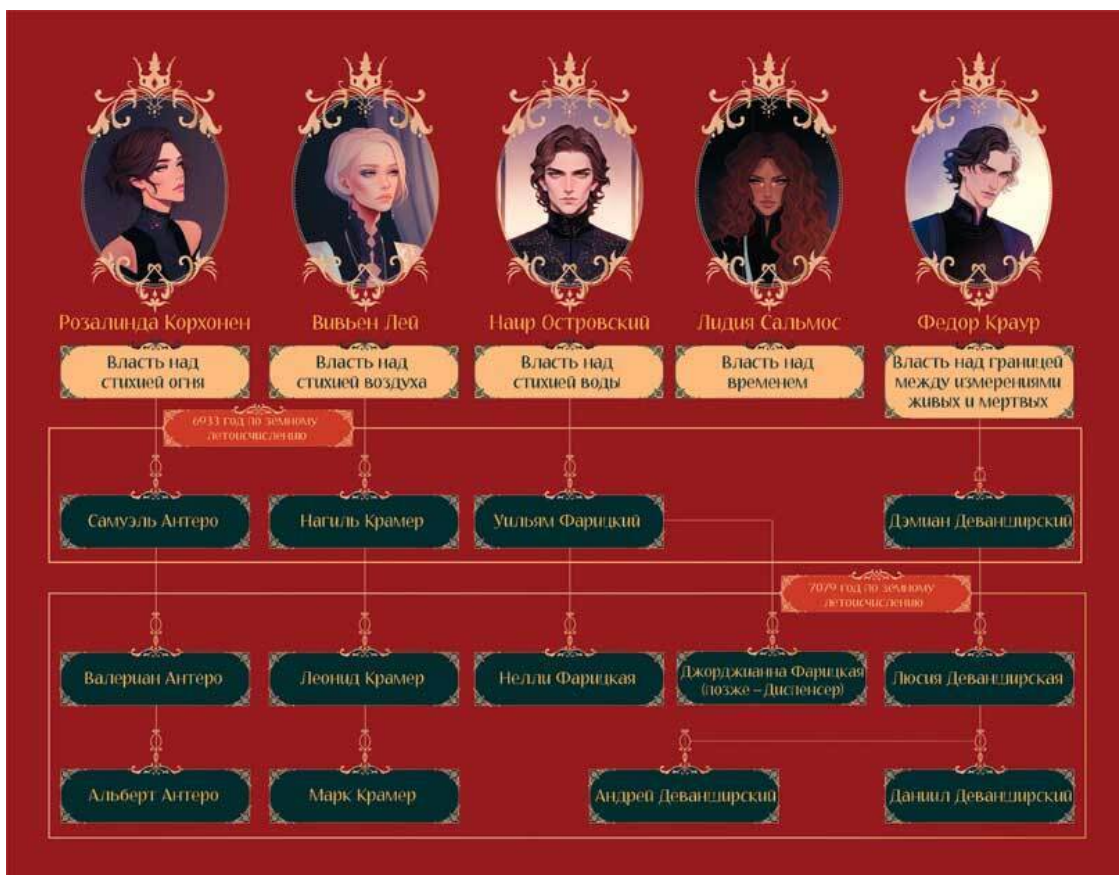
Рия Райд Лиделиум. Кровь Десяти

© Райд Р., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Посвящается каждому, кто боится, что в трудный час за ним никто не придет

Плейлист

Пролог

Heart of Darkness – Secession Studios, Greg Dombrowski

Часть первая

Глава 1

Furioso in F Minor – Nicholas Britell

Глава 2

Gone With The Tide – Elliott Tordo Erhu

Глава 3

Glass: Violin Concerto, 2nd mtv. (Arr. Gelgotas) – Mari Samuelsen

Глава 7

I'm not a Hero – Hans Zimmer, James Newton Howard

Глава 10

Sanctum – Doug Kaufman

Часть вторая

Глава 15

Per Talk – Natalie Holt

Глава 19

The Last Funeral – Eternal Eclipse

Глава 21

V For Vendetta. Evey Reborn. Main Theme – Geek Music

Глава 22

Furies – Ryan Taubert

Глава 26

Andante Agitato End Credit – Nicholas Britell

Эпилог

Reach – Eternal Eclipse

Пролог

Рианская империя. Ландер, Третья планета Анакреонской звездной системы, резиденция Понтешен 4708 год по ЕГС*

(6933 год по земному летоисчислению)

За 158 лет до трагедии на Мельнисе

Из-за отсутствия облаков пурпурно-розовая пелена, постоянно разрастающаяся и покрывающая небо над резиденцией, как флисовое одеяло, казалась бесконечной.

Анна всегда была равнодушна к закатам, но их любил Константин. Сейчас она уже и не помнила, сколько раз встречала их вместе с ним в Данлийской резиденции, так же как и рассветы. Красные лучи плясали в его золотистых волосах, играли бликами в радужке карих глаз и осторожно, словно спрашивая разрешение, гладили кожу. Сердце в груди замирало каждый раз, когда она смотрела на него в огненном свете Данлии – не потому, что была безоглядно влюблена, как все полагали, а потому, что истинная красота не может не трогать. Анна всегда умела различать ее очень хорошо – в вечернем свете, шуме волн и дождя, утреннем тумане, тишине и блеске падающего снега и, разумеется, в людях. А Константин действительно был красив. Диск горящей, алой Данлии освещал его со спины, из-за чего он казался и вовсе неземным существом, божеством, смущенно улыбаясь, протягивая к ней руку и повторяя:

– Kai del', danchi. Fen jevi, kai del'¹.

Казалось, это было еще вчера и одновременно очень, очень давно. Она почти забыла звук его голоса, но не слова, сказанные ей в их последнюю встречу.

– Когда я приду за тобой, danchi², от Ландера и всего, что тебе дорого, останется лишь прах.

Говоря это, он тоже улыбался, но в этой улыбке уже не было ни капли привычного тепла или нежности. Она была ледяной, как штормовой ветер, острой, как заточенное лезвие, и страшной, как любая улыбка безумца. Она была полна ненависти, боли, презрения и бесконечной, чистейшей ярости, и тогда Анна поняла, что, что бы она ни предприняла, Константин не остановится, пока не исполнит то, что обещал.

Анна знала, что когда-то он по-настоящему любил ее, но тогда впервые увидела, во что может превратиться человеческая любовь и что она способна сотворить даже с самыми светлыми душами.

Анна стояла у окна своего кабинета, наблюдая, как из розового небо постепенно окрашивается в алый, и больше не чувствовала себя живой. За последние пару лет Анна умерла уже с десятков раз – с каждым из тех, кому была отдана часть ее сердца. Сначала был Родерик Далми. Из них всех Константин даровал ему самую милосердную смерть – силой своей магии он просто остановил его сердце. Зофье и Людвигу Кастелли повезло куда меньше. В течение часа Диспенсер сжимал их легкие, медленно перекрывая в них кислород. Людвиг смотрел, как умирала его жена, как сначала краснела, а потом белела от удущья ее кожа, как из глаз, наполненных слезами от ужаса и отчаяния, постепенно ускользала жизнь, – и не мог ничего сделать.

Дарья Ландерс оказалась умнее их всех. Догадавшись, что она – следующая, она вскрыла себе вены незадолго до того, как до нее добрался Константин. Ее смерть ударила по Анне сильнее всего. Анна была с подругой до самой последней секунды, и ей казалось, будто это между ее пальцев сочится вязкая, горячая кровь, что мир блекнет, искажается и сереет с каждым следующим вздохом.

¹ Иди ко мне, любовь моя. Прошу тебя, иди ко мне (*перев. с древнеарианского*).

² Любовь моя (*перев. с древнеарианского*).

Нагиль Крамер была погребена под завалами своей Андарской резиденции, когда Константин несколькими взмахами руки превратил все в пыль. Самуэль и Зинаида Антеро умирали на Бастефорской площади в течение часа. Диспенсер заставлял их сердца то останавливаться, то снова биться – и все это до тех пор, пока их сосуды, не выдержав давления, не лопнули внутри тела. Уильям Фарицкий, а также Дамиан и Ребекка Деванширские умерли там же – с ними Константин расправился еще более чудовищно, заставив в начале наблюдать за смертью собственных детей, а потом пытая их несколько часов на глазах у всего Лиделиума. Пребывая в их сознании до самой последней минуты, Анна слышала истошные крики и хруст ломающихся костей, чувствовала, как рвутся связки и сухожилия, как стынет кровь и останавливается сердце. Вместе с ними она задыхалась от слез и безумной, нечеловеческой боли, хотя находилась за сотню световых лет. Пытая членов семьи Кальдена, Константин истязал и ее, и это дарило ему чувство упоения, почти блаженства. Как и обещал, не колеблясь ни мгновения, он убил их всех.

А теперь... теперь он шел за ней. Анна не сомневалась, что для нее он подготовил нечто куда более страшное.

За спиной раздалось два быстрых приглушенных стука в дверь.

– Все готово, госпожа, – коротко сообщила показавшаяся в дверях операционка. На комод у самого входа она аккуратно и практически бесшумно поставила тяжелый поднос с чайником и замерла, очевидно ожидая дальнейших указаний.

Анна слотнула и, разгладив складки на платье, обернулась и попыталась улыбнуться.

– Спасибо, Райли, – севшим голосом сказала она, – дальше я сама. Ты можешь идти.

– Вам точно не нужна моя помощь, миледи? Возможно, я бы могла...

– Нет, – Анна покачала головой. – Больше ничего не нужно, *laue*³. Я справлюсь.

Райли поникла и, быстро кивнув, сиюминутно скрылась за дверью. Дрожащими руками Анна подхватила поднос и начала спускаться по лестнице. Но оказавшись в гостиной, быстро вернула самообладание.

Ее родители уже давно ожидали внизу. Отец всегда говорил, что приятные привычки и маленькие традиции – то, что способно скрасить жизнь даже в самые тяжелые времена. Они дарят чувство приземленности и контроля, даже когда кажется, что мир рушится по частям. Ранний ужин в кругу семьи был одной из таких традиций. Когда Анна принесла чай, ее родители уже закончили с едой, отставили тарелки и тихо о чем-то беседовали, очевидно уже и не ожидая, что она к ним присоединится. Элиас Понтешен устало пролистывал новостные голотграммы и даже не сразу заметил, как она вошла.

– Анна, *dash*⁴, ну наконец-то, – с облегчением выдохнул он, когда она поставила поднос на стол и принялась разливать горячий чай по чашкам. – *Jetan te kai*?⁵ Ты сегодня вместо Райли?

– Да, – тепло улыбнулась Анна. – Ты против?

– *Telande soon*, *dash*⁶, как я могу возражать! Я рад, что ты к нам присоединилась.

Его лицо, казалось, даже посветлело. Он улыбнулся в ответ, и от этой улыбки у Анны сжалось сердце. Элиас выглядел измученным, изможденным и высохшим, будто кто-то высосал из него все соки, всю энергию, красоту и страсть к жизни. За два года войны он постарел лет на пятнадцать и из сильного, статного, пышущего здоровьем мужчины превратился в настоящего старика. Его густые, цвета расплавленного шоколада волосы поседели – так же как и борода; из-за множества бессонных ночей под глазами залегли темные мешки, на лице образовались несколько глубоких морщин, а в руках появился пока еще едва уловимый тремор.

³ Милая (перев. с древнеарианского).

⁴ Дорогая моя (перев. с древнеарианского).

⁵ Что ты делаешь? (перев. с древнеарианского).

⁶ Разумеется нет, дорогая моя (перев. с древнеарианского).

Анна заметила его сразу, пусть и не подавала виду. Украдкой она наблюдала, как отец то и дело прячет руки, пытаясь это скрыть, а если ему приходится что-то держать – сжимает пальцы до побеления, надеясь, что это будет не так заметно. В присутствии дочери и жены Элиас всегда пытался бодриться, но от этого Анне было только больнее. Ее отец – ее неотразимый, сильный, любящий отец, перед которым некогда склонялся весь Лиделиум, – медленно умирал, и она ничего не могла с этим сделать.

Казнь Деванширских на Бастефорской площади стала для него последним и главным ударом. Рианская империя погибала, утопая в крови, и с каждым днем тех, кто присягал на верность Константину, становилось все больше. Оставшиеся силы Понтешен, Кастелли и Баг-говут еще сдерживали войска Диспенсеров на границах, но все знали, что это ненадолго.

Руки Анны предательски дрогнули, и нос чайника звонко ударился о край стакана.

– Dash', gis flay?⁷ – спросил Элиас. – Ты выглядишь обеспокоенной. Что-то случилось?

– Можешь не убирать их, – сказала Анна, когда он поспешил свернуть голограммы, – я видела новости.

– Там ничего утешительного, как и всегда, – вздохнула ее мать, сложив руки перед собой, – но это еще не значит, что мы не сможем за себя постоять.

– Sideli uter si mand...⁸ – начал Элиас.

– Hea lyn gises kambly fray⁹, – закончила за него Анна.

Ее отец грустно улыбнулся. Говорить на арианском в кругу семьи было еще одной приятной традицией.

– Si seas Pontehen. Kandel tandi si alisas ryn¹⁰. Еще ничего не кончено.

Анна знала, что это не так, но заставила себя улыбнуться в ответ. Все кончилось еще тогда, когда Константин подарил ей свое проклятое обещание. А ведь когда-то она верила, что именно он станет тем, кто сотворит чудо, тем, кто сможет с ней изменить мир, а не утопить его в крови.

– Я получил сообщение от Закира Бренвелла, – сообщил Элиас, устало откинувшись на спинку сиденья и бросив быстрый взгляд в сторону окна, – они помогут нам на границе.

– Слава Десяти! – выдохнула Ариана, с воодушевлением посмотрев на мужа. – Это отличные новости.

Анна сделала вид, будто считала так же, будто и вправду верила, что это может их спасти. Ее мать с благодарностью подвинула к себе свою чашку, но перед тем, как сделать глоток, вдруг задержала ее у лица и приблизила нос к бортику.

– Кориандр, – с восторгом прищурилась она, – и, кажется, листья вельвичий...

– Как ты любишь, – напомнила Анна.

Ариана-Корнелия всегда умела восхищаться простым вещам, находить радость в таких мелочах, на которые любой другой даже не обратил бы внимание. За это Элиас называл ее gis li¹¹ или же просто dash¹², как и Анну. Полное имя Арианы они не использовали практически никогда – несмотря на красоту и звучность, оно совсем ей не шло, как серебро не идет к золоту, а грубый искусственный свет к солнечным лучам. Анна обычно смеялась, когда Элиас говорил, что она похожа на мать. От нее ей, безусловно, достались бледно-серые глаза и высокий лоб Нозерфилдов, но все остальное, включая характер отца, было наследием Понтешен. Элиас,

⁷ Дорогая, все в порядке? (перев. с древнеарианского).

⁸ Судьба редко бывает к нам благосклонна (перев. с древнеарианского).

⁹ Но наша сила в том, что мы никогда на нее и не полагаемся (перев. с древнеарианского).

¹⁰ Мы – Понтешен. Невозможно уничтожить нас, не уничтожив мир (перев. с древнеарианского).

¹¹ Маленькое солнце (перев. с древнеарианского).

¹² Дорогая (перев. с древнеарианского).

конечно же, знал это, но признавал, лишь когда жены не было рядом, чтобы ей было не так обидно.

– Si orand parias day hantly darmut. Te seas Pontehen¹³, – говорил он.

– Lin zilach vi¹⁴, – отвечала Анна.

Элиас знал и это. Вероятно, поэтому, в отличие от большинства мужчин, никогда не мечтал о сыне.

– Тысяча ваших спиногрызов не стоят и пальца моей дочери, – повторял он, когда его в очередной раз бестактно спрашивали, не планируют ли они с Арианой обзавестись наследником мужского пола.

У его любви, восхищения и непоколебимой веры в дочь не было условий и срока годности. Он не усомнился в ней даже тогда, когда в Лиделиуме поползли слухи о ее постыдной связи с кузеном Вениамином Нозерфилдом. Элиас впервые и совершенно случайно услышал об этом от Леонора Багговут, когда проводил тому экскурсию по заповеднику с рейхисами – гигантами с массивным птичьим телом, крючковатым клювом и мощными чешуйчатými лапами, обитающими на Ландере и представляющими из себя особое достояние семьи Понтешен. Он велел приспустить поводья одной из особей и перехватить их в самый последний момент, когда огромный изогнутый клюв рейхиса оказался в смертельной близости от лица Леонора.

– У вас есть два пути, друг мой, – с могильным спокойствием уведомил он, перехватив графа за шиворот и не позволив увернуться от животного, – поклясться собственной кровью и честью дома Багговут, что вы никогда больше не повторите эту омерзительную ложь, или замолчать навсегда. Что выберете?

Остолбев от ужаса, Леонор едва смог выдавить через побелевшие губы хлипкие извинения и клятвенные заверения, что никогда в жизни больше не посмеет усомниться в благопристойности имени Понтешен.

В тот же вечер Элиас впервые вызвал к себе Анну, чтобы задать ей один-единственный вопрос.

– Я спрошу лишь раз и обещаю: что бы ни происходило, мы больше никогда не вернемся к этому разговору. В тех поганых слухах, что разносят такие стервятники, как Багговут, есть хоть крупица правды?

Элиас Понтешен сказал это с горечью, но даже тогда в его глазах Анна не увидела и тени презрения или злости. В них был страх, боль и бесконечное чувство вины, будто Элиас корил себя за то, что его дочери приходится через это проходить. Анна всегда была с ним искренней и потому в тот вечер тоже сказала то, что думала.

– Kandeli fea lagri ran, lakki¹⁵.

И поняла, что поступила правильно, когда на лице Элиаса отразилось невообразимое облегчение.

– Слава Десяти, – выдохнул он, – я так и думал, dash¹⁶, я так и думал...

Элиас был самым умным, самым чутким и понимающим отцом на свете, но оставались вещи, которые даже он был не способен принять. Как Анна могла винить его за то, что при всех его достоинствах он все еще оставался человеком?

¹³ Мое сердце поет, когда я смотрю на тебя. Ты истинная Понтешен (перев. с древнеарианского).

¹⁴ И всегда ею буду (перев. с древнеарианского).

¹⁵ Люди часто болтают чепуху, отец (папочка) (перев. с древнеарианского).

¹⁶ Дорогая (перев. с древнеарианского).

Сейчас, когда он сидел перед ней исхудавший, измученный и постаревший, Анна убеждалась в этом снова. Ее отец, как *seas Pontehen*¹⁷, мог сломить или же повернуть в свою пользу любые обстоятельства. Однако это не означало, что они не могли сделать с ним то же самое.

– Так ты присоединишься к нам? – уточнил Элиас, когда Анна подала ему его чашку, но так и не заняла место за столом.

– *Telande, lakki*¹⁸. Это ведь наша традиция, – она подошла к нему со спины и, обвив руками его плечи, прислонилась щекой к голове. – «Мои привычки выше воли. Я смел, отчаян и упрям», – пробормотала она. – Помнишь эту старую песенку? Ты пел мне ее в детстве.

– Я помню, – подхватила Ариана, сделав несколько крупных глотков и прижав пальцы к губам. Ее глаза вспыхнули восторженным задором. Розовые лучи играли бликами на ее лице и в темно-русых, с прорезьями рыжины волосах. На мгновение она показалась Анне совсем юной, будто была моложе даже ее самой. – *Kalidel heris pam le kreu*¹⁹. Ну ты и вспомнила, дорогая. Сколько тебе было? Три? Пять?

– Я и сам уже не помню, – признался Элиас.

– Ты пел ее почти каждый день, – обиженно заметила Анна.

– Ты не отпускала меня, пока не заснешь. В те годы было спето много песен, – пробормотал Элиас, и она услышала в его голосе грустную улыбку. Он сделал пару глотков и, отставив чашку, с нежностью взглянул сначала на дочь, а после – на жену. Его плечи расслабленно опустились, а в пальцах исчезла дрожь.

Анна поморщилась.

– Я помню их всех. У тебя никогда не было голоса, *lakki*²⁰.

– Какая бесстыдная, оскорбительная ложь!

– Это правда, дорогой, – расхохоталась Ариана. – Ты хрипел и выл, как старый рейхис, даже Райза пряталась от тебя в северном крыле. Никто, кроме Анны, не мог вынести это больше пяти минут. Это было ужасно.

– Но очень артистично, – весело подбодрила Анна. – Ты всегда так смачно растягивал гласные на концах...

– О да! – подхватила Ариана. – Я это помню. А еще для большего драматизма постоянно повторял последние несколько строк. Снова, и снова, и снова...

– Ему просто было лень начинать песню заново, – предположила Анна.

– Вот она, благодарность, – с досадой пробормотал Элиас, – *Fargut heris lim*²¹. Надо было ужинать вместе с Райлой.

– Напомни, как там было! – воодушевленно взмолилась Ариана, поддавшись вперед и посмотрев на дочь. – «Где сила вод журчащих сгинет...»

– Стихнет, – поправила Анна. – «Где сила вод журчащих стихнет», она так и называлась. Единственная песня *lakki*²² не на арианском. Помню ее от первого до последнего слога.

– Все не так, – остановил их Элиас, в возмущении приподняв руку, – вы произносите не с тем акцентом! Он должен быть на первом слове. И вместо «журчащих» – «урчащих». Это песня о юноше, который настолько поверил в себя, что бросил вызов самой смерти.

– Вздор! Это все твои выдумки, *dapchi*, в оригинале было не так.

– В оригинале было лучше, – засмеялась Анна.

– Я Элиас Понтешен, – осадил их Элиас. – Я сам знаю, как лучше!

¹⁷ Истинный Понтешен (перев. с древнеарианского).

¹⁸ Разумеется, папа (папочка) (перев. с древнеарианского).

¹⁹ Сколько времени утекло с тех пор (перев. с древнеарианского).

²⁰ Папа (папочка) (перев. с древнеарианского).

²¹ Дайте мне сил (перев. с древнеарианского).

²² Папа (папочка) (перев. с древнеарианского).

Ариана расхохоталась, когда он, набрав в грудь больше воздуха, начал петь с самого начала – так, как, по его мнению, должна была звучать старая баллада.

– О Десять, – простионала она, зажимая уши. – Kai si pases!²³

Элиас Понтешен обладал множеством талантов, но тонкий музыкальный слух в них определенно не входил. Анна до слез смеялась вместе с матерью, но, когда отец дошел до припева, не выдержала и подхватила песню на первой же строчке.

Где сила вод журчащих стихнет,
Где звуки струн прорвутся сквозь ветра,
Там свет свои лучи раскинет,
Заставив биться тьмы врата.

Ариана сдалась и присоединилась к ним со следующего куплета. На ее щеках выступил румянец, а может, дело было в алых лучах, что скользили по ее лицу и отражались в радужках глаз. Как до этого к отцу, Анна подошла к ней со спины и, обняв за плечи, прислонилась щекой к макушке. Теплые ладони Арианы тут же накрыли ее руки.

– Dash', – выдохнула она между строчками, – моя драгоценная.

Мне смерть довольно в спину дышит,
Я чую злость ее и смех,
Но скорбь мою та не услышит,
Я не доставлю ей потех.

Ее мягкие волосы пахли анисом и ванилью. Она чуть раскачивалась в такт песни, но делала это все медленнее и тише. Элиас пел и улыбался, глядя на них, и впервые за долгое время Анна заметила, что с его лица исчезла печать трагичной обремененности. Его лоб разгладился, мышцы лица расслабились, а на глаза выступили слезы.

Кроме их пения, в резиденции не осталось ни звука. Казалось, весь мир остановился, замер, остекленел. Были лишь их голоса, бесшумные лучи, скользкие по гостиной, и алое пламя заходящего на горизонте Анакреона. Анна отпустила руки матери и заняла свое место за столом.

Судьба, ворча, ей тихо вторит,
Но что мне заговор злых ведьм,
Пусть воют, пляшут, тараторят,
Им не сломить меня теперь.

Мои привычки выше воли,
Я смел, отчаян и упрям,
Своей свободой я доволен,
Скажу, где дверь, любим царям.

Элиас пел эту балладу столько раз, что ей казалось, будто каждое слово уже давно отпечаталось у нее в сердце. В детстве, засыпая по ночам, она просила его остаться, пока не заснет, – и он никогда не уходил. Хриплым от усталости голосом и не попадая ни в одну ноту, Элиас был готов петь всю ночь, снова и снова, отгоняя все страхи и ночные кошмары, как он говорил, пока ее глаза не начинали слипаться и она не проваливалась в сон.

²³ Дайте мне сил (перев. с древнеарианского).

Но в этот раз Анна пела для него. Для него, для матери и их последнего вечера вместе. Эта песня больше не была о страждущем юноше, борющемся с судьбой и бросившем вызов самой смерти, она была о них троих – об их любви друг к другу, о тысячах счастливых дней, что они провели вместе, о ее детстве, о былой силе и красоте Элиаса, о юной душе и внутреннем свете ее матери, о друзьях, которых они потеряли, о рассвете дома Понтешен, о любви, вере, надежде и смерти.

Я верю в счастье, верю в смех,
Я верю в радость и успех,
Где ветер поет в долине звонко,
Где годы не смывают лиц,
Где время шепчет лишь тихонько,
А смерть зло воеет у границ.

Анна не перестала петь, когда голоса родителей стали становиться все тише и слабее, пока не стихли совсем. Сквозь слезы она улыбнулась отцу, наблюдая, как его глаза гаснут, как закатное зарево заливают тенями его мертвенно-бледное лицо, а грудь поднимается все реже, и сжала протянутую руку матери, когда у той последний раз дрогнули веки, прежде чем закрыться навсегда. Анна продолжала петь, даже когда голова Элиаса упала на грудь, а рука матери обмякла в ее ладони.

Нет страха там, где нет надежды,
Нет боли, грусти без любви,
Проложат путь любой невежде
Сердец отчаянных огни.

Она держала ее еще долго, смотря на безжизненные тела родителей, пока последний, кровавый луч света не исчез за горизонтом. Как только это произошло, она встала и вышла в темный коридор.

Широкие стены пересекали высокие своды далеко над головой и терялись в тенях; переплетения проходов и поворотов уходили вглубь и растворялись в сумраке; силуэты выключенных, окаменевших операционных кабинетов виднелись почти в каждом из помещений, которые она миновала одно за другим. Анна специально шла медленно, заглядывая в каждую из комнат, проводя холодными пальцами по рельефным фасадам и пустым поверхностям.

Когда Константин доберется до нее и Ландерской резиденции, он не получит ничего, кроме голых помещений и нескольких трупов. Никаких баз данных, архивов и семейных реликвий – она позаботилась о том, чтобы наследие Понтешен умерло вместе с ней. Пусть пирует на их костях. Пусть упивается их кровью и забвением, но знает, что ему так и не удалось поставить ее семью на колени.

Анна не помнила, как добралась до лаборатории ее ослепил холодный свет люминесцентных ламп, как она в последний раз оказалась в испытательном кресле. Она почувствовала, как десяток игл впивается в тело, как кости изламываются, стираются в порошок и плавятся, как кровь закипает, прожигая вены и внутренности, как боль не просто поглощает, но и становится частью ее. Анна проходила это сотни раз, но в этот – все было по-другому. Ярче, сильнее, *невыносимее*.

Судьба расставит мне мишени,
Настигнет, ранит, приструнит,
Подсунет слезы, огорченья,

От близких сердце отвратит.

Все смешалось, исказилось, спуталось. Ей казалось, что она вновь видела лица любимых людей, где-то вдалеке слышала смех матери и отца, приглушенную болтовню Дарьи Ландерс, отдаленные споры Дамиана Деванширского с Нагиль Крамер и отчаянные крики Вениамина, умоляющего ее остановиться. Она не могла ответить, что все уже сделано, что это их последний шанс спасти то немногое, что осталось, и что даже после того, как остановится ее сердце, ее душа продолжит любить его до скончания времен.

А потом голоса смолкли, видения исчезли, свет померк и ее поглотила вязкая пустота.

Я выдержу все это стойко,
Взмолю о счастье небеса,
Набравшись сил, я гордо, бойко
Признаю, глядя ей в глаза.

Я не боюсь ее мишени,
Ей не иметь больших побед.
Правда отбрасывает тени
Но те всегда лишь там, где свет.

Анна задохнулась от мрака и боли и только тогда перестала петь.

Часть первая

Глава 1. Союзники

Кристиан не мог точно сказать, когда кошмары, что мучили его все детство и юношество, отступили. Когда, закрывая глаза, он перестал содрогаться от ужаса при мысли, что эта ночь может стать последней и он не выберется из очередного воспоминания Десяти. Просто однажды призраки прошлого, как и его страхи, начали таять, как тени с первыми лучами зари. Кристиан научился контролировать свои силы, перестал бояться неизбежного и, засыпая, уже больше не чувствовал, как проваливается в пропасть. Он связывал это с Изабель, точнее с моментом, когда она вошла в его жизнь по-настоящему. Ее прикосновения успокаивали его, поцелуи излечивали боль, мысли о ней вытаскивали его из мрака. Кристиан был готов поклясться, что почти разучился бояться. А потом Изабель, как сотни других членов Лиделиума, едва не погибла во время обрушения зала Конгресса, и он вспомнил, что такое настоящий страх.

Кошмары вернулись, но теперь они были куда страшнее – ведь все, что он видел, уже произошло с ним в реальности. Он слышал скрип бегущих по потолку трещин, леденящие кровь, монотонные голоса членов «Нового света» и панические крики, срывающиеся на хрип; видел белые облака пыли, летевшие откуда-то сверху вместе с первыми обломками, безумную череду бесконечных спин, рук и лиц и среди них – всполохи огненных волос Изабель, что прорывались сквозь мрак подобно языкам пламени. Кристиан чувствовал тяжесть многотонной крыши Конгресса, бешеный стук собственного сердца и волны ледяного ужаса.

Все это было таким же реальным, как и его силы. Кристиан думал, точнее ощущал, как они росли с каждым днем. Однако их оказалось недостаточно. Кристиан удерживал разрушающуюся крышу Конгресса в течение нескольких минут, хотя для него они были вечностью. А потом один из сколов сорвался, рухнул вниз на толпу, и часть голосов оборвалась так же резко, как и его сердцебиение. Это повторялось снова и снова.

Он не слышал собственного крика, но знал, что кричал, потому что по ночам Изабель в ужасе подрывалась вместе с ним. Она обнимала его, гладила его по волосам, целовала в виски, веки и губы. Тепло ее тела напоминало ему, что это всего лишь очередной сон, и сам он все еще жив. Изабель клялась, что все уже в прошлом и в случившемся в Конгрессе нет его вины. Но в этот раз кошмары не спешили отступать. Чудовищные воспоминания преследовали его даже днем.

Кристиану казалось, он слышал голоса погибших в шуме ветра, видел их бесцветные, перекошенные лица и чувствовал ледяное дыхание смерти, пробирающееся холодом по спине. Его преследовала острая потребность что-то сделать. Вина, бремя ответственности и страх перед неизвестным разъедали его изнутри, и потому, получив сообщение от Марии Эйлер и Андрея Деванширского, он вдруг почувствовал призрачное облегчение. Они просили прибыть на Кальсион его и Изабель, чтобы продумать план дальнейших действий, и Кристиан согласился немедленно, даже несмотря на то, что дом Нейка Брея был последним местом, куда бы он отправился при любых других обстоятельствах.

В глубине души он боялся, что не сможет ступить на Кальсион, не сровняв резиденцию Брея с землей. Но, прибыв на место, к собственному удивлению не почувствовал прежней ненависти. Дом Нейка Брея, как и сам Кальсион, не вызвал у него неприязни, хоть Кристиан не находил в нем ни капли сходства с залами Данлийской резиденции. Все помещения, которые он миновал по пути, были просторными и темными – пол был отделан черным камнем, графитово-серые стены украшали бронзовые барельефы, сверкающие в туском свете, что проби-

вался сквозь узкие просветы окон. Мебель во всех комнатах была преимущественно старая, но явно очень дорогая и подобранная со вкусом. Широкие окна большинства помещений выходили на океан, но были завешаны плотными шторами, за исключением, конечно, гостиной. Тут их предусмотрительно собрали в углах комнаты, и рассеянный свет блуждал по стенам, полу и потолку.

Мария и Андрей уже ожидали внутри. С ними были Алик и Муна Хейзеры, а также Питер Адлерберг, чьи раздраженные вопли Кристиан услышал, еще будучи в холле.

То, как резко переменились отношения Марии с Андреем Деванширским, Кристиан тоже заметил сразу – еще пару дней назад во время визита в его Данлийскую систему они едва смотрели друг на друга, а сейчас, казалось, им двоим стоило невероятных усилий даже просто сохранять дистанцию. Он уловил, как во время перепалок с Питером Адлербергом Андрей между прочим нашел руку Марии. Кристиан бросил в сторону Эйлер многозначительный взгляд, но даже не успел расшифровать выражения ее лица перед тем, как все вдруг смолкли и на пороге показались Лукас и Корнелия Нозерфилды.

И тогда Кристиан осознал, что намерения Эйлер не просто безумны, но еще и опасны. Для того чтобы добраться до Вениамина Нозерфилда, она собиралась использовать членов его семьи, а доверять им для Кристиана было равнозначно самоубийству. Поэтому ни капли не удивился, когда Мария подошла к Нозерфилдам, намереваясь считать их воспоминания. Корнелия смотрела на Марию так, будто собиралась вспороть ей горло при одном только приближении, но Лукас умиряющие дотронулся до ее плеча.

– Мы знали, что так будет, Кори, – сказал он. – Это лучше, чем если Конгресс завтра же отправит нас на Бастефорскую площадь.

Он отодвинул бокал с виски, от которого не отрывался последние полчаса, снял свой кулон, напоминающий тот, что виднелся на шее у Марии, и с готовностью кивнул.

В полной тишине Мария просматривала его воспоминания около получаса, но, когда она закончила и перешла к Корнелии, Кристиану показалась, что минула целая вечность. С мисс Нозерфилд все прошло куда быстрее.

– Все чисто, – наконец обессиленно заключила Мария, – я не нашла никакой связи с Вениамином. Последний раз они оба видели его двадцать лет назад. Они говорят правду.

Андрей попросил Лукаса рассказать все, что ему известно о «Новом свете» и Вениамине.

Лукас говорил сухо и медленно, тщательно подбирая слова и время от времени бросая короткие взгляды в сторону сестры. Сама же Корнелия за все время не проронила ни слова. Она сидела ровно, как застывшая статуя. В закрытом черном платье со стоячим воротом, достающим до самого подбородка, с собранными в высокую прическу светлыми волосами и холодным отчуждением на лице, она вдруг напомнила Кристиану его мать. Длинная шуршащая юбка, пряди, заколотые на затылке так туго, что казалось, будто и так высокий лоб еще больше натянули на череп, сжатые в узкую полоску алые губы, маска ледяной невозмутимости – в день похорон Александра Диспенсера Джорджианна выглядела так же. Кристиану стало не по себе от одной этой мысли.

– И? – с нескрываемым раздражением уточнил Питер, когда Лукас наконец смолк. – Это все?

Развалившись на диване и распластав руки по обе стороны от себя, он нетерпеливо покачивал ногой. Под его глазами залегли глубокие тени, короткие волосы были небрежно взъерошены, рубашка и брюки помяты. Питер выглядел так, словно не только не спал несколько суток, но и даже не был в душе. Кристиан знал, что на днях он похоронил сестру. Она погибла под одним из завалов в Конгрессе, где произошел теракт, устроенный Вениамином. Многие из тех, кто был там, потеряли своих родных. Лиделиум погрузился в траур, и Адлерберги не были исключением.

– Я рассказал все, что нам известно, – сухо известил Лукас.

– То есть ничего, – констатировал Питер, жестом велел операционке подлить ему в бокал еще вина.

– Ничего, чего бы мы не знали, – чуть мягче заметила Мария. Чуть покачиваясь, она встала из-за стола и, прижав пальцы ко лбу, на несколько секунд закрыла глаза.

– Все в порядке? – тихо уточнил Алик.

– Голова раскалывается. Ерунда.

Андрей ничего не сказал, но Кристиан заметил, как он нахмурился, будто проблема была куда серьезнее. Он что-то шепнул Марии, но та лишь покачала головой и, обойдя стол, подошла к Кристиану, взяла графин с фруктовой водой и наполнила стакан.

– Итак, подведем итог, – заявила Муна Хейзер, бросив презрительный взгляд в сторону Нозерфилдов. – Вениамин Нозерфилд приходится вам двоюродным прапрадедом по отцовской линии, и за всю жизнь вы видели его лишь раз – в далеком детстве около двадцати лет назад, когда тот сам заявился на Родос, чтобы отказаться от всех имущественных притязаний в пользу вашей семьи. Уже тогда он всю работу с «Новым светом» и финансировал создание армии в серой зоне, но вы, конечно же, этого не знали. Он не посвящал вас в свои секреты и, вербуя союзников по всему Лиделиуму, не попытался привлечь в дело членов своей семьи, потому что в свое время те отреклись от него, а теперь он в отместку отрекся от них.

– Мне нужен чай! – громко прервал ее Питер, драматично встряхнув головой. – Да-да, чай и *месть*.

– Известно о Вениамине вам тоже немного, – продолжила Муна, не обратив на него ни малейшего внимания. – Все, что вы знаете, – это то, что он был еще одним участником старого «Нового света», возглавляемого Константином Диспенсером, и что этот «Новый свет» проводил многочисленные эксперименты, пытаясь вернуть силы Десяти их потомкам.

– То есть буквально то, что мы и так знали, – заметил Алик.

– Про Анну Понтешен вам тоже ничего не известно, – холодно продолжала Муна, – и...

– Мы сказали все, что знали, – сухо повторил Лукас. – Вениамин был близок с Анной так... как об этом и говорят. Это то, что наложило тень на нашу семью на долгие годы. Прошлое Вениамина – не то, в чем мы хотели копаться. Это то, что мы хотели забыть.

Краем глаза Кристиан уловил, как Мария опустилась на сиденье рядом с ним и уткнулась лицом в ладони, массируя пальцами лоб и виски.

Питер сказал что-то колкое, и ему неожиданно ответила Изабель, но Кристиан не слышал, что именно. Он внезапно почувствовал себя неуютно и, обернувшись, поймал на себе пристальный взгляд Эйлер. Она по-прежнему сидела рядом и, сложив руки перед собой, внимательно его разглядывала. Ее глаза метались по его лицу – лбу, глазам, носу, линии подбородка. Кристиан не уловил никакого подтекста, но в этом взгляде было что-то, от чего ему внезапно стало очень холодно. Будто на Кальсионе вдруг наступила зима.

– Все в порядке? – настороженно уточнил он.

Мария не ответила. Ее взгляд остекленел. Она чуть приблизилась и даже приподняла руку, очевидно, намереваясь коснуться его лица, но в последний момент вдруг передумала. Кристиан оцепенел. Шум голосов вокруг вдруг показался ему приглушенным, словно он слышал их через толщу воды.

– Мария?

– *Te la fein he qrile. He sility odeñ si jeves mory.*

– Что?

Тело Кристиана внезапно стало свинцовым. Он услышал шум крови в ушах и то, как она ритмичными ударами циркулирует по венам. Серые глаза Марии казались ему бездонными и темными, хотя в реальности не изменили цвета.

– Что ты сказала? – переспросил он, хотя прекрасно знал перевод.

«Ты так похож на него. Он бы отдал все, чтобы тебя узнать».

– Кристиан? – озадаченный голос Изабель резко выдернул его в реальность. Кристиан оглянулся и обнаружил, что все смотрят на него. Тихое посвистывание ветра сквозь приоткрытую дверь, шуршание занавесок, крики парящих за окном птиц, шум океана – все звуки прорвались сквозь незримую пелену и вновь заполнили комнату.

– Что? – сглотнув, переспросил Кристиан, но вместо Изабель ему ответил Андрей.

– До того как сделать предложение Анне, Константин Диспенсер развелся с женой, с ней у него было двое детей – Люсия и Руперт. Руперт унаследовал престол после Константина, он твой прадед...

– Мне хорошо известна моя родословная, – сухо прервал Кристиан.

Глаза Андрея чуть сузились, будто он пытался понять, что у Кристиана на уме.

– Жену Константина звали Пенелопа, до замужества она была Пенелопой Моранди, – продолжил он. – Во время вселенской войны Константин не тронул земли Моранди, как и ее семью.

– Моранди были в числе тех, кто почти сразу принял сторону Константина, – добавил Алик, – несмотря на то, как он поступил с Пенелопой и какому публичному унижению подверг всю ее семью, отвергнув ее ради Анны.

– К чему вы ведете? – уточнил Кристиан.

– Моранди ненавидели Диспенсеров, но Понтешен и Нозерфилдов они ненавидели больше, – пояснил Лукас. За минувшие полчаса он опустошил третий бокал виски и жестом попросил слуг заполнить его вновь. – Я думаю, они – одни из немногих, кто точно не стал бы работать с Вениамином, а значит, есть шанс, что они согласятся работать с нами. Мы можем нанести им визит и задать несколько вопросов.

– С нами? – хищно оскалился Питер. – Нет никаких «нас», – он перевел тяжелый взгляд с него на Корнелию. – Вы оба тут на птичьих правах и все еще можете говорить лишь потому, что мы не возражаем.

– Я всего лишь предположил, что они знают что-то, чего не знаем мы, и потому могут быть полезны...

Питер подался вперед и, упершись локтями в колени, ткнул в Нозерфилда пальцем.

– Ты не предположил, – процедил он, – ты пытаешься водить нас за нос, думая, что мы все тут идиоты. Что ты бросишь нам свои «возможно» и «есть шанс» как кость псынам, и мы кинемся на другой конец галактики проверять твои баснословные теории.

– Питер, хватит, – прервала Мария. Кристиан вновь оглянулся в ее сторону и обнаружил, что все ее внимание поглощено общим диалогом. Она больше не смотрела на него, а на ее лице читалась обычная усталость. – У нас ничего нет. Любая информация может оказаться бесценной.

– Хотя вечность копайся в его голове, Эйлер, я не поверю ни единому его слову, – прошипел Питер.

Лукас побледнел и сильнее сжал руки на спинке сиденья сестры. Еще одна едкая реплика, и он точно бросится на Адлерберга с кулаками, думал Кристиан. И даже Корнелия, что за все время не проронила ни слова, впервые за долгое время посмотрела в сторону Питера.

Кристиан был наслышан, как они познакомились: когда меньше недели назад Мария с Питером прибыли в резиденцию Нозерфилдов, те сначала приняли их у себя как желанных гостей, а потом сдали Конгрессу. Они заманили их в ловушку, прямо как змеи на их семейном гербе, что незаметно и бережно окольцовывают жертву прежде, чем задушить ее насмерть.

Другими словами, Питер, конечно, был груб, но в глубине души Кристиан не мог с ним не согласиться. Нозерфилдам нельзя доверять.

Муна тяжело вздохнула, будто все эти разговоры ей вдруг страшно наскучили.

– Не понимаю, в чем проблема и почему мы не можем проверить Моранди. Их резиденция – в первом кольце, отсюда не более двух часов лету. Запросим у них доступ, а как одобряют – нанесем визит.

– Все разом? – с опаской уточнил Алик.

– Десять, ну разумеется, нет! – закатила глаза Муна. – Делами семьи сейчас заправляет Варла Моранди. Не так давно старухе перевалило за сто шестьдесят, ее хватит сердечный приступ, если мы все разом вломимся к ней в дом. Пусть отправляется Питер, он умеет расположить к себе женщин.

– Если отправится Питер, сердечный приступ хватит ее еще на пороге, – предположил Алик.

– Только если от моей ослепительной красоты, – заметил Питер. – Но вынужден согласиться, идея скверная. Очаровывать старых вдов? Не моя чашка чая.

– Это кофе, – на всякий случай сообщил Кристиан, когда Лея опустила на столик перед Адлербергом кофейник и блюдце с кружкой.

Питер обернулся к Андрею и посмотрел на него так, будто тот лично воткнул ему в грудь нож и прокрутил рукоятку.

– Кажется, я просил вино, – напомнил он.

– Сейчас полдень, Пит, – отозвался тот, – мы только начали, а впереди еще уйма работы. Нам всем нужно взбодриться.

По мнению Кристиана, Адлерберга не взбодрило бы даже ведро ледяной воды, вылитое ему на голову.

– Сдается мне, в этом зале есть кое-кто, кто куда более нуждается в твоей заботе, Эндрю, – еле слышно огрызнулся Питер, бросив полный ненависти взгляд в сторону Лукаса и бокала с виски, но все же придвинул блюдце и сделал несколько коротких глотков.

– Я знаю миссис Моранди, – внезапно сказала Изабель, и Кристиан вдруг ощутил невероятное облегчение, услышав ее голос. – Не так давно скончался ее муж, не уверена, что она будет рада визитам. Говорят, после его смерти она немного потеряла голову...

– Хорошую вещь браком не назовешь, я всегда это говорил, – вздохнул Питер, – но меня всю жизнь пытались убедить в обратном. Чувства, способные вытащить из гроба, клятвы в любви и верности, единение душ... все это так обнадеживает. Разве это не то, за что стоит умереть? – протянул он, посмотрев на Андрея.

– Я не женюсь на тебе, Пит, – с недоумением отозвался тот. – Можешь даже не просить.

– Другого я и не ждал, – снова вздохнул Адлерберг. – Людям свойственно не замечать счастья, что у них под носом. С другой стороны, если бы ты пожелал жениться на мне, я бы предпочел умереть до брака.

– Как это мило, – губы Муны растянулись в коварной улыбке. Она была похожа на кошку – хитрую, осторожную и изящную, когда сложила руки перед собой, выпрямилась и лукаво оглядела гостиную.

– Лукас прав, у Моранди и Диспенсеров большая история, – признал Кристиан, устало протерев глаза. Он встал из-за стола и сделал несколько шагов по залу. – Я сам встречусь с Варлой и узнаю, что ей известно о Константине и его жене.

– Я отправлюсь с тобой, – предложила Изабель, – с женщинами женщины обычно куда более откровенны.

Кристиан слабо улыбнулся и кивнул. Изи всегда понимала его с полуслова. Иногда ему казалось, что легенды о том, что души влюбленных связаны между собой где-то на небесах, – не легенды вовсе. Изабель угадывала его мысли, он чувствовал ее присутствие каждой клеточкой тела, даже если не видел ее; улавливал все полутона ее улыбки. «Не сейчас, – велел себе Кристиан, когда их глаза встретились. Он сжал руку в кармане брюк, чувствуя, как от волнения кровь пригоняет краску к лицу. – Не сейчас, но скоро».

– Это хороший план, – поддержала Мария.

– И это все? – приподнял брови Питер. – Кристиан с Изабель отправятся к Моранди, а мы будем сидеть, ждать и надеяться, что старуха сообщит что-то полезное? Это весь план?

– Разумеется, нет, Пит, – нахмурился Андрей. – У Нейка есть несколько догадок о том, кого Нозерфилд будет вербовать в первую очередь, мы с Муной собирались нанести пару визитов.

– Если вы оба отправитесь на разведку, я полечу с вами, – решительно вклинился Алик.

– Нет. Ты будешь нужен Марии.

– Марии?

– У меня возникло что-то вроде идеи, – неуверенно пояснила Эйлер, – скорее даже не идея, а план...

– О Десять, – в ужасе пробормотал Кристиан. – Я бы тоже попросил вина, но вина мне будет мало.

Питер издал странный звук – что-то между мучительным стоном и страдальческим вздохом.

– План заключается в том, чтобы проверить всех, кто входил в «Новый свет» Константина. Точнее, все семьи, что состояли в его коалиции. Это будет не так сложно, – поспешила добавить она прежде, чем гостиная загудела протестами, – Диспенсеры, Понтешен, Деванширские и Нозерфилды уже здесь. Крамеры – мертвы. Каstellи и Ландерс – и так на стороне Вениамина. Остались Далми, Фарицкие и... Антеро, само собой.

Мария слегка побледнела, назвав последнюю фамилию, и в гостиной тут же воцарилась тишина. Все помнили, чем кончилось знакомство Марии с Валерианом Антеро – он велел выпороть ее плетьюками на глазах у тысячи беженцев Тальяса. Ее спина – от плечей до поясницы – была исполосована кровавыми рубцами. Мария едва выжила, и Кристиан не был до конца уверен, что после такого он сам смог бы посмотреть на Валериана Антеро и не плюнуть ему в лицо.

– С Антеро я разберусь сам, – мрачно отрезал Андрей. – Фарицкие будут задачей Кристиана, насколько мне известно, они родственники Джорджианны.

Кристиан коротко кивнул в подтверждение его слов.

– А вот про Далми нам ничего не известно.

– Я отправлюсь с визитом к Далми, – подтвердила Мария, – но мне понадобится помощь – твоя, – она посмотрела на Алика, – и Лукаса.

– Моя? – переспросил Лукас.

– Далми – ваши соседи, разве вы с ними не знакомы?

– Друзьями мы никогда не были, – пробормотал Лукас. – Но да, разумеется, мы знакомы.

– Хорошо, – смирился Алик, отведя взгляд к окну и спрятав руки в карманах брюк, – я попрошу подготовить корабль на троих.

– Я полечу с вами, – неожиданно подала голос Корнелия, – куда Лукас – туда и я.

– Ну уж нет! – усмехнулся Питер. – Вы оба не будете работать вместе, – почти выплюнул он. – Я этого не допущу.

Корнелия еле заметно покраснела и дернулась в его сторону. Кристиану показалось, что она сейчас зашипит.

– Мы тебе не псы на привязи, – процедила она.

– Разумеется, нет, – промурлыкал Питер. – Псы верны и покладисты, их компания куда приятнее...

– Пит, хватит, – с мольбой в голосе прервала Мария. – И Лукас, и Корнелия наши гости.

– Но мисс Нозерфилд с вами не полетит, – спокойно сообщил Андрей Лукасу. – Пока вы будете в отъезде, она останется здесь.

– В качестве пленницы, – сообразила Корнелия.

– В качестве гостя, – с натянутой вежливостью отозвался Андрей. – Лея позаботится о вас. Кальсион вам понравится.

Кристиан слабо усмехнулся. Умный ход. До этого момента он всерьез опасался, что Мария и Андрей решили довериться Нозерфидам, но теперь было очевидно, что они все тщательно продумали. Заманив брата с сестрой на Кальсион, они намеревались сделать Корнелию временной заложницей – на случай, если Лукас вздумает подставить их или, не приведи Десять, сдать Вениамину.

Сообразив это, Лукас стал белым, как стена.

– Если что-то случится с моей сестрой... – прошептал он.

– Мисс Нозерфилд ничего не угрожает, – заверил Андрей. – Кальсион – одно из самых защищенных мест в галактике. Считайте, что это ради ее же безопасности.

– Значит, решили. – Улыбка Марии выглядела крайне натянутой. – Если бы заявила к Далми одна, они бы ни за что не согласились меня принять. Но если они окажутся сговорчивы, их информация может оказаться бесценной. Им наверняка немало известно и о Вениамине Нозерфилде, и о «Новом свете», и об экспериментах Константина с кровью Десяти. Не представляю, где мы еще можем все это выяснить.

– Я бы предложил порыться в ваших любимых библиотеках, но вряд ли о таком пишут в книгах, – усмехнулся Питер. – Хотя такая литература наверняка бы мне понравилась. «Путеводитель по вселенскому господству», «Тысяча и одна идея для порабощения мира», «Десять способов захватить мир, или Донорство для чайников»...

– Пит, прекрати! – прикрикнула Муна. – Это не смешно!

– Кроме последнего – последнее мне понравилось, – одобрил Кристиан.

– В глубине души всегда знал, что ты тот еще поганец, – ухмыльнулся Питер.

– Пит прав, – неожиданно поддержал Андрей. – Нам стоит попробовать...

– Захватить мир? – уточнил Алик. – Не хочу расстраивать, но этот план уже занят Вениамином.

– Библиотеки. Нам стоит заняться ими, точнее одной – библиотекой Конгресса, – отмахнулся Андрей. – Это главный архив Лиделиума, там хранятся все первоисточники, даже книги времен Десяти...

– Мы миллион раз были в библиотеке Конгресса, Эндрю, – простонал Питер. – Ты таскал нас туда каждую неделю!

– Пару лет назад, пытаясь найти больше информации о Десяти, мы с Кристианом тоже изучили ее вдоль и поперек, – вклинулась Изабель.

– Но ни у кого из нас не было *полного* доступа. – Андрей оглядел гостиную с видом человека, решившего главную загадку человечества. – Доступа, который есть у председателей Конгресса. Огромная часть архива недоступна даже для членов Лиделиума. Но если мы обратимся к Полю Лоресу...

– То в качестве исключения он предоставит нам полный доступ к секретным архивам, – сообразила Изабель. – Возможно, мы найдем что-то там. Это и правда толковая мысль.

– О Десять, дайте мне сил, – пробормотал Питер, будто ему досталась самая сложная и невыполнимая задача из возможных, хотя Кристиан не припоминал, чтобы ему было поручено хоть что-то. – Что ж, по крайней мере, я рад, что мы со всем разобрались! На этом можно и закончить. – Потерев ладони, он встал и направился к выходу.

– Пит, без твоей помощи нам тоже не обойтись, – сказал Андрей, когда тот был уже на полути.

Адлерберг тихо выругался и нехотя повернул голову.

– Я думал, я уже сполна помог, друг мой, – он натянуто улыбнулся, но его голос был похож на скрип старой двери.

– Мне понадобится еще помощь, друг мой. Архив Конгресса будет твоей задачей.

– Это жалкое задание, Эндрю. Вместо меня отправиться туда может кто угодно...

– Кто угодно не знает древнеарианский так хорошо, как ты.

Питер снова издал тот самый звук – стон, напоминающий мольбу о помощи. На его лице отразилось мучительное смирение. Андрей вновь улыбнулся, правда на этот раз куда лучезарнее.

– Si qery rai zen sideli²⁴, – сказал он. Кристиан подумал, что его слова прозвучали как цитата из какой-то древней сказки или баллады.

– Sils bakke la dan, Andry²⁵, – ответил Питер. Он вздохнул. – Снова библиотеки. Что ж, я сам был тем человеком, кто заколотил гвоздь в собственный гроб.

– Насколько помню, Корнелия тоже прекрасно знает древнеарианский. К тому же ей и Лукасу больше всех нас известно о Вениамине, – поддержала Мария. – Она могла бы отправиться с тобой.

Лицо Корнелии Нозерфилд ничего не выражало, она даже не обернулась в сторону Питера, когда тот быстро взглянул на нее и поморщился, будто разом проглотил мякоть лимона. Кристиан подумал, что за все несколько часов, что они провели в гостинной Брея, Питер взглянул на нее лишь пару раз, и то когда угрожал ей и Лукасу. И Корнелия великодушно отвечала ему тем же.

– Превосходно, – процедил Адлерберг сквозь зубы перед тем, как покинуть гостиную. – Змея закрутится вокруг моего горла. Значит, так тому и быть.

²⁴ Мы должны быть готовы к испытаниям, что преподносит нам судьба (*перев. с древнеарианского*).

²⁵ Вот пусть тебя она и имеет, Эндрю (*перев. с древнеарианского*).

Глава 2. Все что угодно?

Вернувшись с Тэроса после трех лет заключения, Нейк Брей часто упоминал о том, как воспоминания о Тальясе помогали ему не сойти с ума. Когда узкая щель под потолком служила источником солнечного света, а его дыхание было единственным звуком, нарушающим пустую, пронизывающую тишину, собственные мысли казались ему оглушительными. Тогда он закрывал глаза и представлял бескрайний океан, лучи Валаата, выбивающиеся просветами через пелену облаков, крики парящих над шумящими волнами птиц и свежесть соленых брызг, оседающих на сухой коже. Нейк всегда говорил, что воспоминания – одна из высших ценностей на земле. Он учил Андрея собирать их как драгоценности, как эпизоды большой истории, как наследство, что навсегда останется частью души. И Андрей собирал.

Бывали моменты, когда он приказывал себе запомнить, не упустить ни одной детали, но в этот раз был уверен, что то, что видит, не забудет до последнего дня. Из-за двух спутников Кальсиона, что висели низко на горизонте и отражали свет Валаата, прибрежная гладь океана была освещена на милю вперед. Темный силуэт Марии выделялся среди темного неба и бескрайнего простора поднимающихся и сбегаящих к берегу волн. Она заходила в воду медленно, очевидно привыкая к прохладе воды. В ночном свете ее оголенное тело отливало бронзой, и, если бы не широкие полоски белых непромокаемых бинтов на спине, можно подумать, что оно соткано из звездного света.

– Ты идешь? – Мария оглянулась, когда находилась уже по пояс в воде. С этого расстояния Андрей не видел ее лица, но был уверен, что она улыбается. – Вода не такая уж холодная.

Он сглотнул и, спешно стянув рубашку через голову, сбросил ее на берег вместе с брюками и почти с разбегу зашел в воду. О, ему хотелось, чтобы вода была холодной. Возможно, тогда бы она хотя бы немного уравновесила жар его тела. Когда он поравнялся с Марией, ему пришлось приподнять ее совсем немного. Ее ноги оказались вокруг его бедер, и она склонилась, чтобы его поцеловать. Она прижалась к его груди, ее руки обвили вокруг его шеи, пальцы запутались в его волосах. Андрей подумал, что не ощутил бы холода, даже если бы вода была ледяной. Каждый раз, когда Мария касалась его, ему казалось, что в его венах пульсирует лава.

Он чуть прикусил ее губу и, тихо простонав ему в рот, Мария прижалась к нему всем телом. Она была совсем невесомой, вода распределяла тяжесть, но тепло ее тела, шум дыхания, когда она пыталась взять воздух между поцелуями, учащенное биение сердца – напротив его – напоминали Андрею, что все это реально.

– Твои глаза. – Мария чуть отстранилась и, пытаясь выровнять дыхание, провела большим пальцем вдоль его щеки. – Они почти черные из-за зрачков.

Андрей слабо улыбнулся и поцеловал ее в скулу, потом подбородок, шею.

– Говорят, зрачки расширяются, когда мы смотрим на тех, кто нам нравится.

– Чушь, – прошептала она. – Будь это так, то, посмотришь Питер в зеркало, от его радужки ничего бы не осталось.

Андрей тихо засмеялся, уткнувшись ей в шею.

– А еще здесь самое низкое небо, что я когда-либо видела, – еле слышно сказала Мария, запрокинув голову и не переставая гладить его по волосам. – Так много звезд. Целая бесконечность. На Керите из-за светового шума их никогда не было видно.

Андрей отстранился. Одно упоминание Керия заставляло его снова и снова переживать худшие эпизоды в жизни. Предательство Лангбордов, подрыв базы, Рейнир Триведди и обещание уничтожить все, что тому дорого... Андрей не чувствовал биения своего сердца, когда представлял, что будет, если однажды Мария узнает об этом. Как посмотрит его воспоминания о том дне, услышит их разговор с Рейниром и клятву Андрея расправиться и с ней. Он не знал

ее тогда, не представлял, как все может обернуться. И сейчас ему казалось, он умрет, если посмотрит ей в глаза и поймет, что ей обо всем известно.

– Ты скучаешь? – сглотнув, спросил он.

– По чему?

– По звездам. – Андрей надеялся, что в темноте она не заметит вымученность его улыбки. – По космосу и экспедициям.

– Иногда да, – признала Мария, озадаченно склонив голову набок и не переставая перебирать пальцами его волосы. – Я посвятила геологии полжизни, все это – часть меня и всегда ею будет. Но я не чувствую опустошения, если ты об этом. Я приобрела больше, чем потеряла.

Он вновь поцеловал ее в шею, и его губы коснулись тонкой цепочки. Он поддел ее пальцем и повертел в руках небольшой кулон. Металл поблескивал в ночном свете, но даже сейчас Андрей мог разглядеть на нем изображение рейхиса.

– Ты его почти никогда не снимаешь, – заметил он, отпустив цепочку и заправив Марии локон за ухо. – А я думал, ты проклинаешь наследство Понтешен и свои силы.

Она смотрела на него, но Андрею казалось, ее мысли за тысячу миль отсюда. За прошедшие несколько дней они ни разу не говорили о том, что произошло в Конгрессе, но Андрей знал, что ни он сам, ни она не переставали об этом думать. Новые силы Марии и эти внезапные головные боли, что начались у нее с того самого дня, угроза «Нового света», давление Поля Лореса и Конгресса – все это не давало ему спать.

– Проклинала, – вздохнула она через какое-то время. Ее голос был тихим и сливался с шумом волн. – Пока и то, и другое принесло мне только боль. Мои силы пугали меня и пугают до сих пор, но они наводят ужас не только на меня. Если они помогут в борьбе против Вениамина, значит, так тому и быть. Я сделаю все, что потребуется. – Она посмотрела ему в глаза. – Марк утверждал, что Вениамин и «Новый свет» имеют отношение к моим силам и силам Кристиана. Если это так, то пусть будут готовы к тому, что их оружие будет использовано против них самих.

Андрею хотелось верить, что это не было частью плана Вениамина. До этого момента старик, как и «Новый свет», всегда был на шаг впереди. Сердце болезненно ныло в груди. Андрей чувствовал, как откуда-то из глубины поднимается едкая тревога, но тут же осадил сам себя. Он не позволит испортить этот момент ни Нозерфилду, ни «Новому свету».

– Я почти всю жизнь провел на Кальсионе, – сказал он. – С тех пор, как Брей забрал меня с Салоса. Я, конечно, покидал его иногда, когда стал старше и уже не нуждался в процедурах и...

– Постоянном уходе, – догадалась Мария, – проведя пальцами по его волосам.

– Да, когда вакцина миссис Харис начала работать и дела стали улучшаться. Я смог отлучаться из резиденции на сутки, иногда даже на двое, но, веришь или нет, кроме отдаленных земель Адлербергов, я еще никогда не был за пределами центрального кольца.

Мария в ужасе округлила глаза.

– Я думала, ты путешествовал. У тебя наверняка была такая возможность. Хотя бы в пределах второго и третьего кольца.

– Никогда, – грустно улыбнулся Андрей, – как-то не приходилось. Хотя я всегда хотел побывать в системе Дарген, в резиденции Кортнеров, говорят, небо там зеленое...

– Оно и правда зеленое, – подтвердила Мария. – Из-за высокой концентрации азота. Но это ерунда. Есть вещи куда невероятнее. У планеты Далес в системе Каас девять спутников. Девять! Когда они выстраиваются в ровный ряд – это одно из самых прекрасных явлений, что мне приходилось видеть. А еще из-за них там никогда не бывает темно.

– Занятно, – пробормотал Андрей, целуя ее в ямочку между ключицами.

– А на Фанресе – ледяной планете в четвертом кольце – звездное небо раза в четыре ярче, чем здесь. Мы бы могли отправиться туда на свидание. Мы бы замерзли намертво примерно

через десять минут, но, видят Десять, оно бы того стоило, – прошептала она, задыхаясь между поцелуями.

– Определенно бы стоило, – хрипло отозвался Андрей. – Я всегда завидовал геологам. Должно быть, это лучшее чувство на свете – знать, как все устроено. Уметь объяснить то, что никто не понимает.

– Ничего подобного, – засмеялась Мария. – Ни я, ни даже Рейнир не мог объяснить всего. Вселенная полна сюрпризов. Чем больше узнаешь, тем больше необъяснимых вещей открывается впереди. Верить или нет, – сказала она, попытавшись передать недавнюю интонацию Андрея, – я стала геологом не поэтому. Я мечтала увидеть мир, путешествовать, как бы безумно это сейчас ни звучало. Но у моей семьи не было средств даже чтобы просто покинуть Кериот. Меня никто не предупреждал, что путешествия идут вкупе с астрофизикой и постоянным шансом умереть.

– Зато теперь ты не просто знаешь, что мир безупречен, но можешь доказать это с помощью заумных формул, – улыбнулся Андрей, когда их глаза снова встретились.

– В том и дело, – прошептала Мария, проведя большим пальцем по его шраму вдоль виска, – он не безупречен. Во всем есть погрешности, хаос и исключения из правил. В природе нет ничего идеального, но в этом и есть истинная красота. А безупречность... ее не существует.

– Существует, – сглотнул Андрей. – Ты. Ты безупречна.

Мария вновь склонилась к его лицу и на этот раз поцеловала первая. Ее пальцы сильнее сжали его волосы, язык обвел контур его губ и проник к нему в рот, дыхание обожгло лицо. По его телу прокатилась волна жара. Нарастающее желание вмиг заглушило беспокойство. Десять, ему казалось, это никогда не прекратится. Если он будет так сильно хотеть ее каждый раз, когда она прикасается к нему, эта одержимость лишит его рассудка.

– Что-то происходит, – прошептала Мария, снова и снова перехватывая его губы. Ее грудь прижималась к его, и в прохладной воде он еще ярче ощущал жар ее тела. Андрей едва сдерживался, чтобы не войти в нее прямо сейчас. – Что-то происходит, – вновь повторила она, – слишком много мыслей, хаоса. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, но рядом с тобой все замедляется. Когда ты рядом... – Она судорожно втянула воздух, едва его губы вновь опустились к ее шее. – Зря мы ушли так далеко от резиденции, – простонала она и сильнее обвилась вокруг его тела. – Надо вернуться...

– Слишком долго, – выдохнул Андрей.

Он подхватил ее под бедра и вынес из воды. Его смятая одежда валялась там же, где он ее и оставил, и, недолго думая, он опустил Марию прямо на нее. Ее руки скользнули на его плечи, когда он оказался сверху, она покорно откинулась назад, ее волосы рассыпались вокруг головы. Андрей сглотнул. Он любил ее длинные волосы. Теперь же они едва доставали до плеч, но так ему нравилось ничуть не меньше. Мария притянула его ближе, скользя руками по спине и вдоль ребер. Когда они опустились к его бедрам, он хрипло простонал и склонился ниже. Кровь болезненно пульсировала в венах. Андрей чуть отстранился и позволил себе замедлиться.

Посмотреть на нее снова и запомнить каждое мгновение. То, как блестит в ночном свете ее мокрое тело, ее распахнутые глаза и затуманенный от желания взгляд, тонкие приоткрытые губы, рваное дыхание, когда он касается ее там, где хочет, как ощущается под пальцами гладкая кожа. Он любил в ней все: волосы, каждый дюйм тела, каждый взгляд, жест, запах. Андрей провел языком от ее плеча до ключиц, ощутил вкус соли и почувствовал, как она выгнулась навстречу и ее бедра столкнулись с его.

– Пожалуйста, – взмолилась Мария, впившись пальцами в его спину, – пожалуйста, сейчас.

Нет, он просто не мог и дальше этого выносить. Пальцы его руки зарылись в песок, а другой – сжались на ее талии. Если бы мог, он растянул это мгновение, но, казалось, минута промедления – и все закончится, даже не начавшись. Ее колени сжались по обе стороны от

него, Мария снова потянулась вперед, ее рот приоткрылся, но она не успела выдохнуть ни слова. Он грубо вошел в нее – грубее и резче, чем собирался, и вместо них с ее губ сорвался стон облегчения.

Его пробил дрожь. Так резко и сильно, что на мгновение он испугался, что потерял контроль над собственным телом. Но это было только начало. Когда он вошел в нее глубже, ослепляющая волна желания прокатилась от груди до пальцев ног так, что его рука едва не подогнулась. Андрей сжал челюсти, сдерживая грудной стон. Мария обвила руками его шею и вытянулась ему навстречу. Ее тихое, срывающееся на стоны дыхание у его щеки казалось ярче и реальнее всех остальных звуков. Их мокрые тела сталкивались каждый раз, когда снова и снова он входил в нее, не ускоряя темпа. Холодный песок царапал пальцы, собирался под ногтями и лип к коже, но Андрей едва это замечал. Ему казалось, его вены разорвет от мучительного напряжения. Пальцы Марии с такой силой впились в его плечи, что он не сомневался, что от них останутся синяки. Он был уверен, они будут и на ее бедре, когда сжал на нем руку, подталкивая ее вперед. Андрей ударился в нее с такой силой и разрушительным самозабвением, что потемнело в глазах. Все словно заволкло невидимой пеленой, вакуумом, перекрывающим все звуки вокруг, кроме их тяжелого дыхания. Мария прижалась к нему и задрожала, цепляясь за его волосы, спину, плечи. Он почувствовал, как падает, летит в невесомости, будто вдруг сорвался с большой высоты, а потом его вновь выбросило в реальность. Запахи, звуки, цвета – все в мгновение прорвалось сквозь пелену, когда, сделав еще несколько глубоких толчков, он кончил с рваным стоном.

Мария что-то тихо сказала, взяв его голову в ладони, мягко притянув к себе и коснувшись губами его век. Андрей выдохнул и склонился, чтобы вновь поцеловать ее, почувствовать, как растворяется в ней и ее близости. Каждый раз он думал, что не может желать ее сильнее, и каждый раз ошибался.

– Через неделю, – прошептала Мария, – мы увидимся у Багговут через неделю. – Она вновь прижалась к нему в долгом поцелуе. – Это чтобы ты помнил обо мне.

Андрей беззвучно засмеялся. Он чуть отстранился и, поймав ее улыбку, поцеловал в уголок губ.

– Не представляю, что должно произойти, чтобы я смог забыть тебя. Но даже если это и произойдет, то точно не в этой жизни, Эйлер. – Он встретил взгляд ее серых глаз и осознал, что говорит чистейшую правду. – Не в этой жизни.

* * *

Когда операционка Бреев проводила Корнелию в гостевую спальню, то оставила лишь несколько инструкций. Она сказала, как при необходимости вызвать ее или других слуг, где расположены ванная и гостевая кухня, где можно найти комнаты отдыха и спальню ее брата. Покои Лукаса были в нескольких пролетах, и при желании Корнелия могла пройти к нему и поговорить, но сейчас ей не хотелось даже его видеть.

Идиот. Он затащил их обоих в эту клетку, прямиком в лапы к Деванширскому, Понтешен и Диспенсеру – вероятно, к одним из самых опасных врагов, и до сих пор свято верил, что все они могли стать союзниками. Даже теперь, когда они оба были заперты в резиденции Бреев. Андрей Деванширский ясно дал понять, что намерен защищать Корнелию и Лукаса перед Конгрессом лишь до тех пор, пока они оба будут плясать под его дудку. Так он и его дружки должны были убедиться в их непричастности к делам Вениамина Нозерфилда и «Нового света», но в отличие от Лукаса, который от отчаяния был готов поверить во что угодно, Корнелия прекрасно понимала, что натянутый поводок никогда не слетает по доброй воле. Их с братом будут использовать и шантажировать до тех пор, пока они не перестанут быть полезны.

Уже утром Лукас должен был отправиться с Марией и Хейзером к Далми, а через пару дней ей самой предстояло составить компанию Питеру. У нее упало сердце от одной этой мысли.

Каждый раз, когда она думала о нем, ее пробирала холодная дрожь. Корнелия вспоминала крики судей, требующих у нее и Лукаса ответить за действия Вениамина, панику в Конгрессе, грохот обрушающихся сводов. Ложа Адлербергов была в паре пролетов от нее. Когда все произошло, они с Лукасом, как и все, рванули к выходу, но не смогли преодолеть и сотню футов. Они оказались в самом эпицентре давки, их зажало в толпе, и от нехватки воздуха Корнелия начала задыхаться. Ее парализовал самый настоящий ужас. Она пыталась выбраться, протиснуться вперед сквозь бесконечный поток спин и рук. Ей казалось, что в этой давке ей переломают все ребра. Она приподнимала голову, чтобы глотнуть воздуха, но в носу, рту и горле оседала лишь пыль, что летела с обрушающегося потолка. А потом Корнелия почувствовала, как чья-то горячая рука стиснула ее запястье и резко потащила вперед.

Корнелия ничего не видела. Ни Лукаса, ни очертаний Конгресса, ни даже спин перед ней. В глазах плыли черные пятна. Кто-то продолжал упорно тащить ее вперед, и она, понимая, что вот-вот потеряет сознание, безвольно брела туда, куда ее вели. Проталкиваясь через тиски сжатых тел, тянулась за горячей сильной рукой, как за спасительным тросом, пока толпа не выплюнула ее из зала Конгресса. Корнелия жадно втянула ртом воздух и приподняла голову. За пеленой пыли она разглядела лишь черную макушку, но по низкому голосу, что доносился до нее в гуле толпы, тотчас поняла, чьи пальцы так сильно сжимали ее руку. Питер Адлерберг вытащил ее из Конгресса и не отпускал до тех пор, пока они не преодолели еще одну давку у лестницы и не оказались на этаже ниже. Только тогда он выпустил ее запястье, Корнелия, жадно хватая ртом воздух и задыхаясь от кашля, едва не рухнула на пол.

Адлерберг не произнес ни слова и уже рванул обратно в толпу, когда она в самый последний момент намертво вцепилась в его рукав.

– Лукас, – в отчаянии прошептала Корнелия, – там остался Лукас, он был со мной. Умоляю, найдите его. Он не уйдет оттуда без меня. Он не выберется...

Питер даже не слышал ее. Он дернул руку, но Корнелия только сильнее вцепилась в его рукав. Она поклялась себе, что лучше умрет прямо здесь, чем отпустит его до тех пор, пока Адлерберг не пообещает вытащить ее брата.

– Умоляю, – повторила Корнелия. Она не помнила, когда плакала в последний раз. Кажется, это было в далеком детстве, но сейчас она едва не задыхалась от слез. – Пожалуйста, Питер!

Его имя, впервые слетевшее с ее губ, подействовало на него как яд. Адлерберг оглянулся, и ей показалось, что его синие глаза налились кровью. Он в ярости попытался вырвать руку, но ее хватка была такой же мертвой и беспощадной, как и его взгляд. Питер едва не зарычал от бешенства. Когда он с новой силой рванул рукой, пальцы Корнелии сползли до локтя и, не удержавшись на ногах, она непроизвольно рухнула перед ним на колени.

Она подняла голову и замерла. Ей казалось, она слышала собственный голос где-то вдалеке, будто сама уже была мертва, а ее душа в отчаянии металась рядом с телом. Она не чувствовала ни жара, ни холода, хотя ее кожа и волосы были мокрыми от пота, не ощущала собственного дыхания. Но ее слова, доносившиеся откуда-то со стороны, были оглушительнее разрушающихся сводов Конгресса.

– Все что угодно, мистер Адлерберг. Спасите моего брата, и я отдам вам все что угодно, все, что попросите... – пообещала она, так и оставшись перед ним на коленях и даже и не попытавшись подняться на ноги. Жалкая, беспомощная, никчемная, омерзительная самой себе, она тряслась всем телом. Искривленные от ожесточения черты лица Питера плыли перед глазами. – Я стану вашей и буду должна вам до конца жизни. Вытащите его, умоляю, и я сделаю все, что попросите. Все что угодно, – горячо повторила она. – Даю вам слово. Свое и моей семьи. Умо-

ляю вас, мистер Адлерберг. – Корнелия приподняла голову, желая поймать его взгляд, разглядеть синие глаза за пеленой слез. – Пожалуйста, Питер...

Питер опешил лишь на несколько мгновений, а потом, что-то грубо прошипев в ответ, все же вырвался и бросился в зал Конгресса. Корнелия так и осталась стоять на коленях, смотря, как он растворяется в толпе.

– Мисс, уходите! Уходите отсюда! – Кто-то равнодушный встряхнул ее за плечи и потянул прочь, но она сбросила его руки и рванула в гущу людей вслед за Адлербергом. Если он не вытащит Лукаса, она сделает это сама. Нет, она не потеряет еще и брата! Она бросилась к лестнице, но в последний момент крепкая хватка одного из стражников не позволила ей сделать и шагу. Поток бежавших из зала Конгресса сносил ее с ног. Руки, спины, лица, лица, лица... Она прорывалась вперед, как дикая кошка, пока издали поверх других голов вновь не увидела макушку Питера. Корнелия мысленно возблагодарила Десять за его двухметровый рост. Он старался двигаться быстро, но это явно давалось ему нелегко. Его волосы были насквозь мокрыми, а лицо красное и влажное от пота. Корнелия чуть не разрыдалась – и на этот раз от облегчения, когда увидела, как Лукас Нозерфилд буквально висел на нем, едва передвигая ногами.

Увидев ее, Питер выругался сквозь сжатые челюсти. Корнелия не разобрала ни слова, но ни на секунду не сомневалась, что он проклинал ее за то, что она все еще была здесь.

– Убирайтесь! – заорал он, толкнув к ней полуживого Лукаса, который, казалось, вот-вот потеряет сознание. – Сейчас же!

Корнелия подхватила брата и потащила прочь.

– Кори, – еле слышно прошептал Лукас, едва приоткрыв веки, и навалился на нее всем телом. Он еще пытался держаться на ногах, но шатался, будто уже был одной ногой в забвении.

– Спасибо, – пробормотала Корнелия, прижимая его к себе, – спасибо, спасибо, спасибо, – беспрерывно повторяла она в пустоту. А потом где-то над головой послышался оглушающий грохот, и часть голосов оборвалась. Корнелия успела заметить, как Питер смертельно побледнел и в ту же секунду бросился наверх, в зал Конгресса.

Корнелия прижимала к себе Лукаса, следуя за толпой покидающих здание и не переставая повторять свои бессмысленные благодарности. Она плакала, сжимала руку Лукаса, перекинутую через ее плечо, и шептала их снова и снова, как молитву, пока они, наконец, не преодолели бесконечные лестничные пролеты и не оказались на улице. Свежий ночной воздух тут же ударил в лицо, но Корнелия не почувствовала холода. Лукас рухнул на землю недалеко от входа, и она, упав на колени рядом с ним, принялась лихорадочно ощупывать его, мысленно молясь о том, чтобы он не был ранен. Она сорвала с него жакет, провела руками по его рукам, туловищу и ногам и едва не разрыдалась от облегчения. Корнелия прижала пальцы к его шее и нащупала стабильный, ровный пульс. Лукас был без сознания, но его жизни очевидно ничего не угрожало.

Где-то над головой прогремел взрыв или что-то похожее на него, и Корнелия в ужасе замерла, приподняв голову и наблюдая, как гигантские сколы крыши разлетаются в стороны и исчезают где-то далеко в темноте. Площадь, куда высыпались все успевшие бежать из зала Конгресса, была переполнена. Все смотрели туда же, куда и она, а потом сотни голосов взорвались новой волной криков и плача. Положив к себе на колени голову Лукаса и не переставая машинально гладить его по волосам, Корнелия сидела на месте и не могла заставить себя оторвать взгляд от гигантских тяжелых дверей здания Конгресса, из которых не переставали сыпаться те, кому удалось спастись. Они кричали, плакали, разбежались в разные стороны, в панике металась по площади, пытаясь найти родных. Душераздирающие крики доносились до нее со всех сторон. Практически у всех, как и у нее самой, была изорвана и перепачкана одежда. У кого-то виднелась кровь. Но Корнелия почти не смотрела в их сторону. Ее взгляд был намертво прикован к дверям.

Через какое-то время, когда на площади появились десятки операционков, принявшись оказывать первую помощь, крики, плач и стоны поутихли. Одна из них занялась Лукасом, и Корнелия впервые за долгое время поднялась с земли, пошатываясь на затекших, ооченевших ногах. Ее трясло от холода, но она отказывалась уходить, по-прежнему вглядываясь в двери Конгресса.

Позже стали выносить раненых, а через пару часов, ближе к рассвету, – мертвых. Их было так много – больше, чем живых. Бесконечный поток тел. Большинство из погибших задохнулись еще в толпе – так ей сказали. К тому моменту Корнелия ооченела так, что едва могла шевелиться. Она стояла чуть в отдалении на одном и том же месте, обнимая себя на плечи, слегка покачиваясь на ветру и не переставая вглядываться в двери центрального входа.

Когда на горизонте за густым утренним туманом выглянули первые лучи звезд, Корнелия почти не чувствовала ног и рук. Она видела спину и окровавленную макушку Нейка Брея, выносящего раненых, Андрея Деванширского, когда он, качаясь от слабости, вытащил на себе Кристиана Диспенсера, и Изабель Кортнер, что неслась к ним через всю площадь. Она видела прихрамывающую Муну в окружении отца и брата и снова Деванширского, когда спустя какое-то время он вынес на руках Марию Эйлер. Он прижимал ее к себе так, будто в случае, если вдруг ее сердце перестанет биться, был готов умереть в тот же самый миг.

А потом, прихрамывая, вслед за ними показался Питер Адлерберг, и Корнелия вдруг обнаружила, что все время до этого момента не могла вдохнуть полной грудью. Питер шел тяжело, но ровно, несмотря на холодный ветер. Его рубашка и брюки были сплошь покрыты кровавыми пятнами, но Корнелия не заметила, чтобы он был ранен, и почувствовала невероятное облегчение, когда поняла, что кровь была чужой.

Смотря пустым взглядом перед собой, Питер добрел до середины площади и замер на месте, словно не мог осознать, что делать дальше, будто ему было некуда идти. Корнелия и не помнила, как приблизилась к нему на ватных ногах и тихо позвала.

– Милорд Адлерберг, – окликнула она. – Милорд Адлерберг...

Питер медленно оглянулся на ее голос. Алеющие лучи рассвета освещали его со спины. Они стояли друг от друга меньше чем в метре. Его черные волосы были влажными от пота и побелевшими от пыли, лицо и шея покрыты серыми пятнами, а опухшие, красные глаза пустым взглядом скользили по ее лицу. Корнелии казалось, что он смотрел на нее и не узнавал. Или еще хуже – узнавал, но ему было плевать. Словно она была призраком или пустым местом. Он смотрел на нее дольше минуты, в упор и ничего не говорил.

– Питер, – еле слышно, почти одними губами прошептала Корнелия и непроизвольно потянулась к нему.

Ей казалось, он потянулся в ответ. Всего на мгновение перед тем, как его рука схватила ее за горло так сильно, что она почувствовала, как от боли и нехватки воздуха у нее на лбу вздулись вены. Она даже не успела отшатнуться. Корнелия со всей силы вцепилась в его пальцы, но Адлерберг этого будто даже и не заметил.

– Что угодно?! – дрожа от ярости, прошипел он, склонившись к ее лицу. Корнелия в ужасе сжалась, беспомощно хлопая ртом и пытаясь ухватить хотя бы глоток воздуха. В его синих глазах вспыхнула нечеловеческая ненависть. – Что угодно?! – Питер склонился еще ближе, и его тяжелое дыхание обожгло ей щеку. – Готовьтесь, мисс Нозерфилд! Этот долг вам никогда не отплатить! – Выплюнул он ей в ухо. Его пальцы разжались, и Корнелия с трудом удержалась на ногах, схватившись за горло и со свистом втягивая воздух. Она кашляла, задыхалась и в конечном итоге рухнула на землю от слабости. А когда, отдышавшись, нашла последние силы, чтобы встать на одеревеневших ногах, от Адлерберга уже и след простыл.

Корнелия еще держалась за шею и ощущала болезненные следы от его пальцев, когда спустя время вновь увидела его и то, как к нему подошла хромающая Муна Хейзер, взяла в ладони его лицо, провела пальцами по лбу, а потом обняла. Питер не обнял ее в ответ, он

словно окаменел, ничего не замечая и смотря куда-то вдаль. «Мне так жаль, Пит, мне так жаль», – снова и снова повторяли ее губы. За ней подошел Алик и крепко обнял его вслед за сестрой и беззвучно произнес одно-единственное слово – «брат».

– Держись, сынок, – услышался низкий голос Нейка Брея, когда он потрепал Питера по плечу. Рядом с Адлербергом собралось около десятка человек. Все они по очереди подходили к нему, обнимали, брали за руки, повторяли слова сожаления. Питер не ответил ни на одно из них и, лишь когда к нему подошел Андрей, позволил другу притянуть его голову к себе и уткнулся ему в плечо. Его плечи дважды содрогнулись. Андрей сжал его волосы на затылке, что-то разгоряченно прошептал на ухо и по-мужски, в точности как и Брей, потрепал по плечу.

Питер отстранился лишь тогда, когда из дверей Конгресса вынесли очередное безжизненное тело. Он выпрямился и сжал челюсти, делая короткие, неглубокие вдохи. Его глаза были красными, но сухими. Корнелия стояла в отдалении и не могла пошевелиться. Ни Хейзеры, ни Деванширский, ни сам Питер не замечали ее. За все время никто даже случайно не оглянулся в ее сторону. Она тряслась не то от холода, не то от ужаса, но не могла заставить себя перестать на них смотреть. Она смотрела, смотрела, смотрела...

Смотрела, как уносят тело Кьяры Адлерберг. Как к Питеру сбегаются члены семьи, как алеющий рассвет расцветает над горизонтом, как опустошается площадь.

Даже после того дня она видела это снова и снова – каждый раз закрывая глаза, чувствовала болезненные тиски пальцев Адлерберга, сжимающие ее горло, и слышала его дрожащий от бессильной ненависти голос.

Все что угодно?! Готовьтесь, мисс Нозерфилд. Этот долг вам никогда не отплатить!

Она хотела разрыдаться, выпустить всю боль и пожирающий изнутри ужас, но, кажется, тогда, стоя перед Адлербергом на коленях и умоляя его спасти брата, она выплакала все слезы на годы вперед.

Следуя сегодня за Лукасом в резиденцию Брея, Корнелия чувствовала лишь ледяной страх. Она не слышала ни собственных мыслей, ни то, о чем говорили Мария, Кристиан, Андрей и остальные. Оцепенев от ужаса, все несколько часов она неподвижно просидела на месте, до побеления костяшек сжимая в замок под столом ледяные пальцы. Она боялась даже взглянуть в сторону Питера и решилась задержать на нем взгляд лишь раз, когда изъявила желание отправиться к Далми вместе с Лукасом.

На удивление Питер посмотрел на нее без какого-либо выражения. Он обращался к ней с братом, как и ко всем, – в своей привычной, ожесточенно-развязной манере, словно между ними ничего не произошло. Словно в последний раз они встречались у них в резиденции на Родосе. И тогда она поняла, что никому из присутствующих не известно о том, что произошло между ними в Конгрессе. Питер никому не рассказал о том, как она в слезах ползала у него в ногах, как он вытащил Лукаса и из-за этого не успел спасти сестру, как она дала ему свое проклятое обещание. Корнелия никогда в жизни не призналась бы брату в том, как продалась Адлербергу в обмен на его жизнь, а значит, об их с Питером тайне не знала ни одна живая душа.

Все время совета в окружении друзей он вел себя непринужденно, и под конец Корнелия даже перестала чувствовать, как бешено колотится сердце каждый раз, когда через шум крови в ушах до нее доносились обрывки его голоса. В следующий раз она осмелилась поднять на него глаза лишь в самый последний момент перед тем, как он покинул гостиную, когда внимание всех было отвлечено. Их взгляды встретились, и ее тело пронзила острая боль, будто она в мгновение рухнула с большой высоты.

Все что угодно, мистер Адлерберг. Я стану вашей и отдам вам все, что попросите. Я буду должна вам до конца жизни.

Губы Питера перекозились в страшной, презрительной улыбке, будто он слышал ее мысли. Он слегка мотнул головой в сторону больших голографических часов в другом конце гостиной, словно намекая, что ее время сочтено. А потом отвернулся и вышел прочь.

Корнелия почти не могла дышать, даже просто вспоминая об этом. Оставшись одна, она, меряя комнату большими шагами, принялась бить дрожащими пальцами по наручному браслету. Во всем мире существовал лишь один человек, которому она могла рассказать обо всем и не бояться, что раскрытые секреты уничтожат ее раньше, чем солнце зайдет за горизонт. А потому, когда перед ее лицом вспыхнуло долгожданное окно, она принялась лихорадочно диктовать текст сообщения.

Неизвестно, сколько времени у нее осталось. Неизвестно, что сделает с ней Адлерберг и как возьмет с нее долг, не известно, оставит ли после этого ее в живых. После всего, что между ними произошло, Корнелия не сомневалась лишь в одном.

Питер Адлерберг будет счастлив ее уничтожить, и он не успокоится, пока не возьмет свое.

Глава 3. Мисс Данри

В ночь после собрания Алик так и не смог нормально заснуть. Как и в предыдущие четыре после теракта в Конгрессе. Каждый раз, закрывая глаза, он слышал проклятое скандирование «Нового света», стоны, плач и крики, срывающиеся на хрип, чувствовал давку мокрых от пота спин и видел, как гигантский скол крыши, что в течение нескольких минут из последних сил удерживал Кристиан, срывается вниз – в точности туда, где застряли Кьяра Адлерберг и Муна. Спасение его сестры было самым настоящим чудом. В последний момент ее потоком толпы отшвырнуло в сторону. Один из бульжников, убивший соседа Муны, лишь придавил ее бедро. А вот Кьяре Адлерберг не повезло вовсе. Алик успокаивал себя тем, что сестра Питера умерла мгновенно, но это было слабым утешением. Таким же хлипким, призрачным и горьким, как надежда на то, что Конгресс и остальные выжившие успеют что-либо предпринять перед тем, как Вениамин Нозерфилд нанесет новый удар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.